«Хладнокровная вдова», «Черная вдова», «Охотница на мужчин», «Ведьма замка Нойванштайн», «Позор всех благородных дам»…

Кого же называют всеми этими титулами? Меня, маркизу Сури фон Нойванштайн.

Есть ли еще кто-то, кроме меня, в империи, кто имел бы столь много прозвищ?

И хотя это не то, чем стоит гордиться, но мне всё равно.

Потому что неважно, что говорят обо мне люди.

Важно лишь то, что я смогла сохранить род Нойванштайн и своих детей в целости и сохранности вплоть до наших дней.

Да, я сдержала обещание, данное Ему.

Конечно, было немного неловко называть их своими детьми. Все же они в том возрасте, что вполне могли бы считаться моими братьями и сестрами. Но по закону дети мужа, в чьих венах нет ни единой капли моей крови, все еще остаются моими детьми.

Пусть они меня так ни разу и не назвали матерью, но именно я вырастила этих четверых.

И завтра настанет день, когда я наконец смогу узреть плоды своих трудов. Что за повод, спросите вы?

Свадьба моего старшего сына Джереми.

Наконец-то!

Как только он станет Первым мечом Принца, самопровозглашенным Львом рода Нойванштайн, и поставит подпись в свидетельстве о браке, то в итоге примет на себя обязанности своего покойного отца, Йохана фон Нойванштайн. А его женой станет чудесная дочь герцога Генриха — всем известная красавица империи.

Ах, я до слез тронута. Будто еще вчера этот мальчик чуть было не умер от кори.

Все пережитые мною тяготы и горести наконец подошли к концу. И теперь настало время получить награду за мои труды! За это стоит выпить!

…Но все это оказалось лишь иллюзией.

И сейчас я, едва ли способная ясно мыслить, чувствую себя такой глупой. Даже не знаю, как мне принять всю эту ситуацию, не говоря уже о том, чтобы хоть что-нибудь вымолвить в ответ.

— Что вы только что сказали?..

— Я сказала, что он хотел бы приехать и сообщить вам об этом сам, но... так как он был очень занят подготовкой к свадьбе, я вызвалась приехать вместо него. Он не хочет, чтобы вы присутствовали на свадьбе, — спокойно ответила мне юная леди. Дочь герцога и невеста Джереми — Охара фон Хайнрих.

От накатившегося отчаянного понимания, что меня не приглашают на свадьбу собственного сына, я спрятала лицо в ладонях. И в какой-то момент мне показалось, что в этом невероятном блеске фиалковых глаз, дополняемых платиновыми кудрями, таится свет до странности подозрительной жалости?

— Но почему он не сообщил мне об этом лично?

— Вы же знаете, что он сейчас очень занят. Прошу меня простить, но и у меня осталось совсем немного времени. Я пыталась убедить вас…

— Погодите, погодите. Что бы он ни сказал, я обязана присутствовать на вашей свадьбе. Он этого…

— Если честно, меня попросили сообщить вам следующее, — принцесса тщательно подбирала слова, сделала глубокий вдох и с отвращением и нежеланием на лице выпалила слова Джереми: — Долг, над которым вы так печетесь и который уже стал вашей второй натурой, уже завтра будет исчерпан, так не лучше ли покончить с этим как можно скорее?

«…»

На миг я будто потеряла под ногами почву. И пока я пыталась принять эту ужасную новость, Охара смотрела мне в глаза с сожалением и упреком.

И что я должна ответить на это? Что мне говорить? Я никогда не сталкивалась с подобной ситуацией.

Джереми — мальчик, которого я знаю уже так долго — послал эту новость через других, а не приехал самостоятельно. Будь это действительно он, он бы сейчас сидел рядом и проявлял бы вежливость — не важно, в чем, будь то флирт или ругань. В его духе было приехать сюда самому и сказать все прямо в лицо.

Ты ведь мог отправить эту новость хотя бы через своих братьев и сестру…

Но уже завтра тебе не нужно будет лгать, говорить тет-а-тет и двусмысленно высказываться.

Неужели мое присутствие для него действительно обуза?

Нет, нет, такого просто не может быть…

Я уже открыла было рот, но голос дрогнул:

— Так почему вы…

— Если честно, мне показалось, что это перебор. Поэтому я пыталась сказать эту новость как-нибудь помягче, что я могу поделать, если он такой упрямый?.. И, уж простите, но, боюсь, вы тоже отчасти виноваты в этой ситуации.

Последнее замечание было довольно смелым, но меня оно скорее озадачило, чем расстроило.

Моя невестка разочарованно вздохнула, опустила взгляд и, будто обвиняя свою свекровь, с которой была разница всего в четыре года, продолжила:

— Вы ведь знаете, какая у вас репутация в высшем обществе. Конечно, я знаю, что вы очень хорошая женщина, но подавляющее большинство так не считают. Я ничего не могу с этим сделать, ведь для него обвинять во всем свою мачеху вполне естественно.

— Джереми меня обвиняет?

— Если подумать, то его отец снова женился всего спустя месяц после смерти его матери. Также я слышала, что вы постоянно ссорились с его кровными родственниками и пытались изолировать его. И еще вы угрожали вышвырнуть из дома тетю Лукрецию, которая просто попросила увидеться со своими племянниками… так что у меня нет другого выбора, кроме как винить во всем вас. Почему вы так поступали?

Да, почему я так поступала?

На то было множество причин. Но я не сказала ни слова.

И даже если я сейчас начну цепляться за юбку Охары и оправдываться, даже если я действительно расскажу ей, почему так поступила — что это изменит?

Во рту пересохло. Пускай я и говорила постоянно, что привыкла к бесчувственности своих детей, почему же сейчас мне так грустно?

— Кто бы что ни говорил, я его…

У меня в горле комок встал, но я сглотнула и смогла сдержать эмоции, однако Охара вновь меня прервала:

— Вы ведь знаете, что он никогда не считал вас своей настоящей матерью? Боже, это же просто нелепо.

…да, конечно. Он ведь всего на два года младше меня, было бы попросту глупо считать меня своей матерью. С этим я согласна, но… но…

— Я тоже хочу поладить с вами, матушка. Так что я надеюсь, что в этот раз вы пойдете нам навстречу — вы же не хотите создать ненужные трудности на его единственной в жизни свадьбе, верно?

«…»

— Что же, мне пора ехать. Еще много чего нужно подготовить… но я постараюсь переубедить его, если смогу. Но не ждите слишком многого, — Охара в последний раз с сожалением взглянула на меня. Я же просто застыла истуканом, не подумав даже проводить ее.

Джереми…

Ребенок, что видел во мне врага с первого же дня, как я вошла в это поместье. Тогда ему было всего четырнадцать лет.

Ребенок, не проронивший ни слезинки на похоронах своего отца.

Ребенок, плакавший тайком, пока его никто не видел.

Ребенок, подхвативший корь и пролежавший с жаром множество ночей.

Худенький мальчик, который так и не открыл мне свое сердце, хоть я и пыталась защитить его всем сердцем и душой.

Мальчик, ставший бесподобным молодым человеком… теперь разрывал со мной все связи.

Я тихо пробормотала:

— Разорвись надвое — скажут: а что не начетверо? Вырастила чёрного зверёныша на свою голову…

…Но у Джереми светлые волосы, а не черные. Ах, ну что за чепуха?

Да уж, деточек родить — не веточку переломить. Не зря все же предки так поговаривали… Сколько сил впустую!

— Мадам, вы в порядке?

— Нет, Гвен, я так не могу больше, мне кажется, я сейчас просто упаду замертво.

— Мадам, если позволите…

— …Этот избалованный засранец! Как я вообще его вырастила? Да как он посмел так со мной поступить?! М?! Гвен, мне так плохо, боже!..

И почему я так сильно плачу из-за него? Почему не могу контролировать эмоции, когда дело касается этих четверых негодников? Я совершенно ничего не могу с этим поделать. Мне даже пожаловаться некому: хотя тут я сама виновата в том, что не смогла завести друзей.

Ах, как ничтожна моя жизнь. Я даже и не думала, насколько по-настоящему одинока.

Осознание того, что не могу винить никого, кроме себя самой пришло, как гром среди ясного неба. В конце концов, я — единственная, кто виноват в этом и всё же…

— Как они могли так со мной поступить?

И даже попытки убедить среднего сына Элиаса и младших близнецов Леона и Рэйчел, не принесут никаких результатов. В этом они будут солидарны с Джереми. А приходить без приглашения просто нелепо — только высмеют.

Мне было так плохо… Казалось, что я схожу с ума!

Как они могли запретить мне прийти на свадьбу, когда я их вырастила?!

Но, что важнее самой свадьбы и факта присутствия — их отношение ко мне!

Должно быть, из-за сильного волнения, у меня совсем не было аппетита. Вместо ужина я просто сидела на пледе, прислонившись к окну, и молча взирала на ночное небо.

Я уже так давно этого не делала. Небо было таким же, как в тот день, девять лет назад, когда я впервые сюда приехала. Бескрайняя тьма с бесчисленными мириадами мерцающих звезд… Тогда я еще не знала, что звезд этих на небе столько, сколько слез мне предстоит выплакать в

новом доме.

Когда я вспоминаю своё детство, перед глазами всегда возникает одна и та же картина: отец, одержимый азартными играми и драками, жалкая мать, слепая к жестокой реальности, и брат, ничтожество, не осознающий мир вокруг.

Я, дочь мелкого виконта, у которого только и было, что имя — без гроша в кармане. И даже это имя было бесполезно.

Вот кто я.

По иронии судьбы, когда мне исполнилось четырнадцать, родители наконец поняли, что с радостью «продали» бы свою единственную дочь замуж.

Если память мне не изменяет, я присутствовала на банкете в поместье моей матери — в поместье Бетельсбах. Моя мать изо всех сил хотела ввести меня в высшее общество столицы.

Один из мужчин, сказавший, что я очень похожа на его первую любовь, был знакомым моего отца. Он уже успел похоронить свою первую жену — и это оказался маркиз Нойванштайн.

Он поставил условие, что выплатит все долги моего дома, если я стану маркизой Нойванштайн. Разумеется, моя семья немедленно согласилась, прыгая от радости.

…Да. Я была продана собственной семьей овдовевшему мужчине, который все еще помнил свою первую любовь!

Я не хотела туда ехать. В тот день я много плакала, а потом просто выдохлась из сил: все же я была еще девочкой, которая даже не понимала, что происходит. И я выплакала тогда все свои слезы: в конце концов, эти люди были моими родителями…

http://tl.rulate.ru/book/96828/1904822